

1001 ночь.

Рассказ о Хинд, дочери ан-Нумана

Рассказывают также, что Хинд, дочь ан-Нумана, была прекраснейшей женщиной своего времени. И ее красоту и прелесть описали аль-Хаджжадж, и он посватался за нее, не пожалев для нее больших денег, и женился на ней, обязавшись дать ей, кроме приданого, еще двести тысяч дирхемов. И он вошел к ней и оставался с ней долгое время, а затем, в какой-то день, он вошел к ней, когда она смотрела на свое лицо в зеркало и говорила:

"Поистине Хинд всегда была кобылицей

Арабской, породистой, и вот ее мул покрыл.

Кобылу когда родит – от господа дар ее,

А если родится мул, то мул и принес его".

И когда аль-Хаджжадж услышал это он ушел обратно и больше не входил к Хинд, а она не знала, что он ее слышал. И аль-Хаджжадж пожелал развестись с нею и послал к ней Абд-Аллаха ибн Тахира, чтобы тот ее с ним развел. И Аод-Адлах ибн Тахир вошел к Хинд и сказал: "Говорит тебе аль-Хаджжадж абу-Мухаммед, что за ним осталось для тебя от приданого двести тысяч дирхемов. Вот они здесь со мной, и он уполномочил меня на развод". – "Знай, о ибн Тахир, – сказала Хинд, – что мы были вместе, и, клянусь Аллахом, я ни одного дня ему не радовалась, а если мы расстанемся, то, клянусь Аллахом, я никогда не буду горевать. А эти двести тысяч – дирхемов – подарок тебе за мое освобождение от сакифской собаки" [560].

А после этого дошла эта история до повелителя правоверных Абд-аль-Мелика ибн Мервана [561], и ему описали ее прелесть и красоту, и стройность ее стана, и нежность ее речей, и ее любовные взгляды, и он послал к ней, чтобы за нее посвататься..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Абдаль-Мелик ибн Мерван, когда дошла до него весть о красоте этой женщины и ее прелести, послал к ней, чтобы за нее посвататься. И она прислала ему письмо, в котором говорила после хвалы Аллаху и молитвы за пророка его Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует): "Знай, о повелитель правоверных, что пес лакал в сосуде".

И когда повелитель правоверных прочитал ее письмо, он посмеялся ее словам и написал ей слова пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!): "Когда полакает пес в сосуде кого-нибудь из вас, пусть вымоет его одна из них песком семижды." – И прибавил: – "Смой грязь с места употребления".

И когда Хинд увидела, что написал повелитель правоверных, ей нельзя было ему прекословить, и она написала ему после хвалы Аллаху великому: "Знай, о повелитель правоверных, что я соглашусь на брачный договор только при условии. А если ты спросишь: "Какое это условие?" – я скажу: "Пусть аль-Хаджжадж ведет мои носилки в тот город, где ты находишься, и пусть он будет босой и в той одежде, которую носит".

И когда Абд-аль-Мелик прочитал это письмо, он засмеялся сильным и громким смехом и послал к аль-Хаджжаджу, приказывая ему это сделать, и аль-Хаджжадж, прочитав послание правителя правоверных, согласился, не прекословя, и исполнил его приказание. И потом аль-Хаджжадж послал к Хинд, приказывая ей собираться, и она собралась и села на носилки, и аль-Хаджжадж ехал со своей свитой, пока не подъехал к воротам Хинд. И когда Хинд поехала в носилках и поехали вокруг нее невольницы и евнухи, аль-Хаджжадж спешился, босой, взял верблюда за узду и повел его. И он шел с Хинд, и та потешалась над ним и насмеялась и смеялась вместе со своей банщицей и невольницами, а потом она сказала своей банщице: "Откинь занавеску носилок!" И банщица откинула занавеску, и Хинд оказалась лицом к лицу с аль-Хаджжаджем, и она начала над ним смеяться. И аль-Хаджжадж произнес такой стих:

"И если смеешься ты, о Хинд, то ведь ночью я

Не раз оставлял тебя без сна и в рыданиях",

А Хинд отвечала ему таким двустушием:

"Не думаем мы, когда мы душу спасли и жизнь,

О том, что утратили из благ и богатства мы.

Богатства нажить легко, и слава вернется вновь,

Когда исцелится муж от хвори и гибели".

И она смеялась и играла, пока не приблизилась к городу халифа, а прибыв в этот город, она бросила на землю динар и сказала аль-Хаджжаджу: "О верблюжатник, у нас упал дирхем; посмотри, где он, и подай его нам". И аль-Хаджжадж посмотрел на землю и увидел только динар и сказал женщине: "Это динар". – "Нет, это дирхем", – сказала Хинд. "Нет, динар", – сказал аль-Хаджжадж. И Хинд воскликнула: "Хвала Аллаху, который дал нам вместо павшего дирхема динар [562]. Подай нам его!" И аль-Хаджжаджу стало стыдно. И потом он доставил Хинд во дворец повелителя правоверных Абд-аль-Мелика ибн Мервана, и она вошла к нему и была его любимицей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, что Хинд, дочь ан-Нумана, стала любимицей повелителя правоверных, но это не удивительней" чем история об Икраме и Хузейме.